

ТИПОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА (Лев Толстой и А. Платонов)

У статті виявляються доміанти психологізму двох авторів: морально-етична спрямованість у поєднанні з аналітизмом у Льва Толстого й онтолого-метафізичні інтенції, які підтримуються синтетичними формами вираження внутрішнього буття людини у Платонова.

Ключові слова: психологізм, поетика, художнє мовлення.

В статье выявляются доминанты психологизма двух авторов: нравственно-этическая направленность в сочетании с аналитизмом у Льва Толстого и онтолого-метафизические интенции, поддерживаемые синтетическими формами выражения внутреннего бытия человека у Платонова.

Ключевые слова: психологизм, поэтика, художественная речь.

Сопоставление художественных миров Платонова и Льва Толстого (как и частных особенностей их поэтики) пока не стало предметом внимания литературоведов. Исключение составляет одна статья, в которой близость двух авторов обосновывается сходством “концепции народного характера и народной жизни” [1]. На наш взгляд, известная общность (и отличие) этих писателей может быть выявлена на основе их пристального внимания к человеческому сознанию как таковому и особенностям субъективирования внешних впечатлений бытия.

Существенным фактором специфики психологизма Платонова и Толстого является принадлежность их творчества (в доминантных своих качествах) к разным художественно-эстетическим системам, соответственно – реализму и модернизму. Толстой как художник-реалист был убежден не только в безусловной способности человека к нравственному совершенствованию, но и в способности художника тщательно проследить этот процесс, раскрыть все его нюансы и хитросплетения, прояснить и объяснить читателю “всё”. Отсюда столь частое у Толстого проникновение автора во внутреннюю

речь героя, “подталкивание” его в определенном направлении, внедрение нравственного вывода в сознание человека, а в случае его уклонения от “моральной нормы” необходимой корректировки как через систему авторских ремарок во внутренних монологах героев, так и путем прямого психологического повествования.

Платонов крайне редко обращается к подобного рода формам психологизма (исключение составляют рассказы второй половины 30-х – 40-х годов). Его психологизм импульсивен, фрагментарен, зачастую как бы лишен мотивировочной базы; здесь многое организуется по принципу айсберга, уходит “под воду”, скрыто от поверхностного восприятия. Такой метод Платонова, кроме прочих объяснений, может быть истолкован в свете убеждения писателя в том, что, как сказано в “Сокровенном человеке”, “нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты души его составить нельзя...” [2, т.1, с.364]. Определенную вариацию этой мысли встречаем и в статье Платонова “О любви”: “в душе человека такие же и еще большие пространства, какие лежат в межзвездных пустынях” [5, с.174]. Для Платонова чрезвычайно важен тот иррациональный, непостижимый остаток внутренней человеческой жизни, о котором говорил Достоевский, а после него особенно много экзистенциалисты.

Сплошь и рядом обнаруживая настоящие психологические прозрения, Платонов нередко как будто просто констатирует, выдвигает на передний план именно экзистенциальное состояние человека, т. е. драматическое переживание того или иного чувства в отношении к миру в целом, как бы вне непосредственной привязанности к реальности, его окружающей. Это рождает представление о затерянности человека в мире, утраты им ощущения “целого” мира и собственной цельности и вследствие этого – переживание драматического одиночества в мире.

В современных исследованиях отмечается, что экзистенциально-модернистская проза, в отличие от классического романа, замещает традиционное конституирование характера и психологии героев исследованием философских модусов-измерений отдельной субъективности, переживающей мир. К ним относятся прежде всего “тоска”, “тревога”, “страх смерти”, “жажда абсолюта” и др. [6, с.174].

Даже при беглом взгляде на творчество Платонова нетрудно увидеть аналогичную картину. Все его внимание как автора приковано к таким человеческим состояниям. Отказываясь от традиционных средств раскрытия внутреннего мира человека, Платонов, по сути, обращается не к психологии человеческой индивидуальности, но к ее отдельным проявлениям – экзистенциальным модусам. Особенность Платонова заключается здесь в том, что он эти состояния даже не уводит в подтекст, – они на поверхности, в самой словесной ткани его произведений.

В связи с экзистенциальным характером психологизма Платонова важно обратить внимание на особенности портрета в его художественном мире. Хорошо известно, что Лев Толстой довел художественное портретирование до совершенства. Платонов, безусловно, знал этот опыт, но поскольку его целью было не так передать собственно психологическое состояние человека, но его ментально-чувственное отношение к миру, то он акцентирует в своих героях экзистенциальное, метафизическое восприятие мира.

Автору «Чевенгура» не свойственна тщательная прорисовка деталей внешнего облика человека, не прибегает он также и к так называемому психофизиогномическому параллелизму, когда состояние человеческой психики обнаруживает себя в мимике: в выражении глаз, положении губ, бровей и т. п. Платонов чаще всего прямо указывает на то, что стоит за внешностью человека. Например: “маленькие черные глаза выражали терпение мучительной жизни, остальное же лицо было покрыто утомленной, жидкой кожей” [4, с.344]. Портретная изобразительность явно несет в себе метафизический смысл: описания внешности непосредственно указывают на стоящие за ними “вечные вопросы”, полностью определяющие существование человека. Психологическое – в основных своих проявлениях – повествование в таком случае превращается в характеристику не личности как таковой (что в принципе свойственно психологической прозе), но именно ее отношения к бытию, некоего следствия постоянно-напряженного и драматического контакта с бытием.

Нередко Платонов углубляет экзистенциальное портретирование описанием самочувствия человека, причем бывает, что в пределах минимального отрезка текста совмещается несколько зрительных перспектив, что создает впечатление многостороннего видения героя. Именно так вводится в роман

“Счастливая Москва” его самый “экзистенциальный” персонаж – “вневойсковик” Комягин: “Военнослужащая посмотрела на вневойсковика. Перед нею, за изгородью, отделявшей спокойствие учреждения от людей, стоял посетитель с давно исхудавшим лицом, покрытым морщинами тоскливой жизни и скучными следами слабости и терпения; одежда на вневойсковике была так же изношена, как кожа на его лице, и согревала человека лишь за счет долговечных нечистот, въевшихся в ветхость ткани; он смотрел на служащую с робкой хитростью, не ожидая к себе сочувствия, и часто, опустив глаза, закрывал их вовсе, чтобы видеть тьму, а не жизнь; на одно мгновение он вообразил себе облака на небе – он любил их, потому что они его не касались и он им был чужой” [3, с.22]. В заключительном слове этой характеристики, по-толстовски совмещающей речь повествователя и речь героя, подводится итог не нравственно-этическим осознаниям героя, как это сплошь и рядом случается у Толстого, но осмыслению экзистенциально-трагического состояния человека: “чужой” всем и всему.

Отказ Платонова от психологического аналитизма объясняется тем, что в его представлении сознание человека в значительной степени определяется его мифологическим (или архетипическим, в юнгианской терминологии) слоем. Именно “первичный этап развития сознания” – важнейший объект художественного интереса Платонова. При этом писатель не стремится к непосредственному воспроизведению мыслительных процессов. Для него это невозможно в силу известной неразвитости воспроизводимого сознания в его “прелогическом” состоянии. К тому же, по-видимому, Платонов интуитивно чувствовал невозможность абсолютно адекватной передачи работы сознания, поскольку в нем определяющую роль играет не слово и мысль, а образ, картина. Современная психология убедительно доказывает, что в основе деятельности человеческого сознания лежат невербальные процессы. Словно зная об этом, Платонов постоянно акцентирует внимание на том, что сознанием его героев управляют не мысли, но воображение и видения (ср.: “Под думой он (Александр Дванов. – А.К.) полагал не мысль, а наслаждение от постоянного воображения любимых предметов” [4, с.501]; “Захар Павлович думал без ясной мысли, без сложности слов, одним нагревом своих впечатлительных чувств” [4, с.227]).

Внутренний мир героев Платонова постоянно раскрывается через картины их видений и фантазий, которые отличаются исключительной конкретностью и выразительностью. Таковы в “Чевенгуре” грезы Копенкина о Розе Люксембург; видение Мошонковым-Достоевским социализма с «борщом», «свиной» и «чистоплотными красивыми девушками» [4, с.131]; воображаемая беседа покойного отца Саши Дванова с сыном [4, с.241]; реализованная в видениях героя метафора работы ума и сердца как плотины и разлива реки за ней [4, с.158] и т. п. Характерно также то, что внимание писателя занимают преимущественно неопределенные, смутные психологические состояния его героев. В “Чевенгуре” этим отмечены все основные персонажи: “Пока Дванов в беспамятстве ехал и шел...” [4, с.278]; “ему (Копенкину. – А.К.) лезли в голову посторонние мысли и уродовали одна другую до невыразительности...” [4, с.306]; “Он (Чепурный. – А.К.) боялся своего поднимавшегося настроения, которое густой силой закупоривает головную мысль и делает трудным внутреннее переживание...” [4, с.407].

«Архетипическая» природа сознания у Платонова проявляется и в самом языке его произведений. Для писателя характерно тяготение к такому типу художественной речи, в котором находило бы непосредственное воплощение конкретно-чувственное, перцептивное восприятие действительности. Персонажи Платонова, а вместе с ними и сам автор, где только возможно, стремятся к тому, чтобы в языке содержалось только видимое и чувствуемое, а абстрактным понятиям или ментальным явлениям были присущи физические характеристики (ср.: “увидел в своем сердце усталость” [4, с.211]; “слушал внимательным умом” [4, с.243]; “со своим слушающим чувством” [4, с.248], “зорко вспоминала всю жизнь” [4, с.299]). Усугубляет этот феномен принципиальная повествовательная установка Платонова, когда автор постоянно пребывает «внутри изображаемого сознания» [7, с.197], добываясь таким образом полной стилистической однородности речи повествователя и голосов персонажей.

Существенной особенностью психологизма Платонова является активизация хронотопных средств, т. е. раскрытие внутреннего мира человека через его соотнесение с пространством и временем. При этом смешение пространственно-

временных координат, психологизация и антропологизация пространства и времени последовательно фиксируется как в речи повествователя, так и в речи героев. Сами слова *пространство* и *время* включаются в несвойственные для них в обычной речи словосочетания: с одной стороны, им явно придается статус “очеловеченности”: “трудолюбивые времена” [4, с.322]; “грустное время” [4, с.388]; “поникшего пространства” [4, с.136]; “притаившихся пространств” [4, с.246]; с другой стороны, время, подобно пространству, приобретает физические характеристики, становится объектом перцептивного восприятия и таким образом указывает на состояние человека: “портится время” [4, с.242]; “невидимое время” [4, с.292]; “время стало слышным” [4, с.361].

Переосмыслена Платоновым и традиционная для реалистической литературы связь внутреннего мира человека с интерьером и пейзажем. Она опять же имеет значение не психологической, но экзистенциально-онтологической нюансировки переживаний героев, выявляет не индивидуально-личностные качества человека, но его позицию в мире, акцентированно “завязанную” на кардинальные проблемы бытия. Картины природы у Платонова всегда насыщены напряженным психологическим восприятием человека. Например: “За окном, на небе, непохожем на землю, зрели влекущие звезды. Дванов нашел Полярную звезду и подумал, сколько времени ей приходится терпеть свое существование, ему тоже надо еще долго терпеть” [4, с.99-100]. Пребывание героев в бытовом окружении также отмечено особым смыслом. Даже такие, казалось бы, обыденные действия, как, скажем, вхождение в дверь и переступание порога, взгляды через окно (т. е. взаимопереходы между разомкнутым и замкнутым пространством), оказываются пронизанными экзистенциальной значимостью.

Как видим, в прозе Платонова, в отличие от толстовской определенности характеров, создается феномен психологической индетерминированности и релятивности личности, что напрямую связано с постановкой ускользающих от окончательных решений (“нерешаемых”) проблем человеческого бытия: смысл и цель жизни, онтологическая сущность человека, “вечная” несогласованность “Я” и мира, чувства и мысли, представлений о жизни и самой жизни. Герой писателя

чаще всего предстает не как социальный или даже психологический феномен, а как носитель универсально значимых ценностей, решающий перед лицом вечности времени и бесконечности мироздания кардинальные вопросы бытия. В конечном итоге, можно говорить о том, что в особенностях психологизма Платонова находят выражение его важнейшие мировоззренческие установки.

Список використаних джерел

1. Киселев А.Л. Л. Толстой и А. Платонов // Толстовский сб. Вып.5. Доклады и сообщения XII-х толстовских чтений. – Томск: изд-во ТомГУ, 1973.
2. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 3-х томах. – М.: Современник, 1984-1985.
3. Платонов А.П. Счастливая Москва: Роман // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – Вып. 3. – М.: Наука, 1999.
4. Платонов А.П. Чевенгур. – М.: Высшая школа, 1991.
5. Платонов А. П. Возвращение. – М.: Молодая гвардия, 1989.
6. Семенова С. Семенова С. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. – М.: Советский писатель, 1989.
7. Шубин Л. Поиски смысла общего и отдельного существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. – М.: Советский писатель, 1987.

The dominants of two authors' psychologism are described in the article: Leo Tolstoy's moral and ethic tendency combined with analitism and Platonov's ontological and metaphysical intentions supported by synthetic forms of expression the inner state of human being.

Key words: psychologism, poetics, artistic speech (the art of speech).